

СРЕДА.

ТОМ. I. №. 2.

ФЕВРАЛЯ 5го.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА.

Входиши
чрезъ
каждые пять дней

1830 ГОДЪ.

Цѣна годовому изданію,
состоящему изъ 72-хъ
№., въ С. П. В. 35 руб.
съ пересылкой и разве-
ской 40 рублей.

Въ Февралѣ Газета сія выходитъ въ следующіе дни: 5-го числа (въ Среду), — 10-го (въ Понедѣльникѣ), — 15-го (въ Субботу), — 20-го (въ Четвергъ), и 25-го (въ Вторникѣ).

ВОЕННАЯ ГРУЗИНСКАЯ ДОРОГА.

(Извлѣченіо изъ путевицъ записокъ А. Пушкина).

Съ Екатеринограда начинается воспіяная Грузинская дорога; почтовой праѣкти прекращается. Нанимаютъ лошадей до Владикавказа. Даётся конвой козачій и пѣхотиній и одна пушка. Почта отправляется два раза въ недѣлю и проѣзжаетъ къ ней присоединяющіяся: это называется *оказіей*. Мы дожидались недолго. Почта пришла на другой день и на третіе утро въ 9 часовъ мы были готовы отправиться въ путь. На сборномъ мѣстѣ соединился весь караванъ, состоявший изъ 500 человѣкъ или около. Пробили въ барабанъ. Мы прошли. Впередъ поѣхала пушка, окруженнная пѣхотиними солдатами. За нею поплынулись коляски, брички, кибитки солдатокъ, переѣзжающіе изъ одной крѣпости въ другую; за нами заскрыть обозъ двухколесныхъ арсбъ. По споронамъ бѣжали конскіе шабузы и спада водовъ. Около нихъ скакали Нагайскіе проводники въ буркахъ и съ арканами. Все это сначала мнѣ очень правилось, но скоро надоѣло. Пушкаѣхала шагомъ, фитиль курился и солдаты разкуривали имъ свои трубки. Медленность нашего похода (въ первый день мы прошли только 15 верстъ), несносная жара, недоспанныкъ принасօвъ, безнокойные ночлеги, иаконецъ безпрерывный скрыпъ Нагайскихъ аробъ, выводили меня изъ терпѣнія. Ташаре пищеваясь эпімъ скрыпомъ, говоря, что они разѣзываютъ какъ честные люди, не имѣющіе нужды укрываться. На сей разъ пріятнѣе было бы мнѣ пущевшись въ плутами. Дорога довольно однообразная: равнина; по споронамъ холмы. На краю неба вершины Кавказа, каждый день являющіяся выше и выше. Крѣпости, доспашочныя для здѣшнаго края, со рвомъ, который каждый изъ насъ не перепрыгнулъ бы въ старицу не разбѣгался, съ пушками, не сирѣявшими со временемъ Графа Гудовича, съ ва-

ломъ, по которому бродилъ гарнизонъ курицъ и гусей. Въ крѣпостяхъ нѣсколько лачужекъ, гдѣ съ трудомъ можно достать десятокъ лицъ и кислаго молока.

Первое замѣчательное мѣсто есть крѣпость Минарептъ. Приближался къ ней, нашъ караванъѣхала по прелестной долинѣ, между курганами, обросшими липой и чинаромъ. Это могилы нѣсколькихъ тысячъ умершихъ чумою. Песниились цвѣты, порожденные зараженнымъ пепломъ. Справа сіялъ сиѣжій Кавказъ; впереди возвышалась огромная, лѣсистая гора; за нею находилась крѣпость. Кругомъ ся видны слѣды разоренного аула, называвшагося Ташарпупомъ и бывшаго нѣкогда главнымъ въ большой Кабардѣ. Легкій, одинокій минарептъ свидѣтельствуетъ о бытѣ изчезнувшаго селенія. Онъ спройно возвышається между грудами камней, на берегу иссохшаго потока. Внутрення лѣспиница еще не обрушилась. Я взобрался по ней на площадку, съ которой уже не раздается голосъ Муллы. Тамъ нашель я нѣсколько неизвѣстныхъ имёнъ, нацарапанныхъ на кирпичахъ словолюбивыми пушевшисьниками.

Дорога наша сдѣмалась живописна. Горы пишутъ надъ нами. На ихъ вершинахъ ползали чути видныя спада и казались наскомыми. Мы различали и пастуха, бытъ можешьъ, Русского, нѣкогда взяшаго въ путь и состарѣвшагося въ неволь. Мы встрѣтили еще курганы, сице развалины. Два, при надгробныхъ памятника сплюя на краю дороги. Тамъ, по обычаю Черкесовъ, похоронены ихъ наездники. Ташарская надпись, изображеніе шашки, шапка, изѣченная на камнѣ, оставлены хищнымъ вѣкамъ въ память хищнаго предка.

Черкесы наше ненавидятъ. Мы выпѣслили ихъ изъ привольныхъ пасибищъ; аулы ихъ разорены, цѣмья племена уничтожены. Они чѣсть опѣ часу даѣше углубляются въ горы и опушуда направляютъ свои набѣги. Дружба мирныхъ Черкесовъ ненадежна: они всегда готовы помочь буйнымъ своимъ единоплеменникамъ. Духъ дикаго ихъ рыцарства замѣтило упаль. Они рѣдко на-

падають въ равномъ числѣ на Козаковъ, никогда не пѣхону и бѣгуну, завида пушку. За то никогда не пропускаю слуха напастъ на слабый отрядъ или на беззащитнаго. Здѣшняя спорона полна моловой о ихъ злодѣйствахъ. Почти нѣть никакого способа ихъ усмирить, пока ихъ не обезоружить, какъ обезоружили Крымскихъ Ташаръ, чѣмъ чрезвычайно трудно исполнить, по причинѣ господствующихъ между ними наследственныхъ распри и мщенія крови. Кинжалъ и шашка суть члены ихъ тѣла, и младенецъ начинаетъ владѣть ими прежде, нежели языкомъ. У нихъ убийство — проепное пѣводвиженіе. Паньниковъ они сохраняютъ въ надеждѣ на выкупъ, но обходятся съ ними съ ужаснымъ безчеловѣчествомъ, заставляющъ рабочихъ сверхъ силъ, кормяще сырьемъ пѣшомъ, бьюющъ, когда вздумается, и приставляющъ къ нимъ для сиражи своихъ мальчишекъ, которые, за одно слово, вправъ ихъ изрубили своими дѣлскими шашками. Недавно поймали мирнаго Черкеса, выспрѣлившаго въ солдата. Онъ оправдывался пѣтъ, что ружье его слишкомъ долго было заряжено. Чѣмъ дѣлать съ шаковымъ народомъ? Должно однако жь надѣяться, что пріобрѣтеніе воспouchнаго края Чернаго Моря, опрѣзъ Черкесовъ отъ портовъ съ Турцией, принудитъ ихъ съ нами сблизиться. Вліяніе роскоши можетъ благопріятствовать имъ укрощенію: самоваръ бытъ бы важнымъ нововведеніемъ. Если средство болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе сообразное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка: проповѣданіе Евангелия. Черкесы очень недавно примѣли Магомешанскую вѣру. Они были увлечены дѣяльнымъ фанатизмомъ Апостоловъ Корана, между коими оплачился Мансуръ, человѣкъ необыкновенный, долго возмущавшій Кавказъ пропагандой Русскаго владычества, наконецъ схваченный нами и умерший въ Соловецкомъ монастырѣ. Кавказъ ожидає Христіанскихъ миссіонеровъ. Но примѣръ лучшаго и Слово живое будущъ дѣлствиельне, чѣмъ вымывать мерзивыя буквы и посыпать пѣмыя книги людямъ, незнающимъ грамоты.

Мы достигли Владикавказа, прежняго Капъ-кая, преддверія горъ. Онъ окруженнъ Осетинскими аулами. Я поспѣшилъ одинъ изъ нихъ и попалъ на похороны. Около сакли толпился народъ. На дворѣ стояла арба, запряженная двумя волами. Родственники и друзья умершаго сѣѣзжались со всѣхъ споронъ и съ громкимъ плачомъ шли въ саклю, ударяя себя кулаками въ лобъ. Женщины сполна смирились. Мерзавца вынесли на буркѣ,

..... like a warrior taking his rest

With his martial cloak arround him;

положили его на арбу. Одинъ изъ гостей взялъ ружье покойника, сдулъ съ полки порохъ и положилъ его подъ пѣту. Волы пронулись. Гости побѣхали следомъ.

Тѣло должно было быть похоронено въ горахъ, верстахъ въ придашши отъ аула. Къ сожалѣнію, никто не могъ объяснить мнѣ сихъ обрядовъ.

Осетинцы самое бѣдное племя изъ народовъ, обитающихъ на Кавказѣ; женщины ихъ прекрасны, и какъ слышно, очень благосклонны къ пушечеславенникамъ. У воропѣ крѣпости вспрѣтили я двухъ, жену и dochь заключенного Осетинца. Онѣ несли ему обѣдъ. Обѣ казались спокойны и смѣлы; однако жь при моемъ приближеніи обѣ попнули голову и закрылись своими изодраными гадрами. Въ крѣпости видѣла я Черкесскихъ аманаповъ, рѣзвыхъ и красивыхъ мальчиковъ. Они пошутили проказы.

Пушка осправила насъ. Мы отправились съ пѣхотой и Козаками. Кавказъ насъ принялъ въ свое свящище. Мы услышали глухой шумъ и увидѣли Терекъ, разливавшійся по разнымъ направлениямъ. Мы побѣхали по его лѣвому берегу. Чѣмъ дальше углублялись мы въ горы, пѣтъ уже становилось ущелѣе. Спѣсненный Терекъ съ ревомъ бросаетъ свои мутные волны чрезъ ущесы, преграждающіе ему путь. Ущелѣе извивающееся вдоль его печенія. Каменные подошвы горъ обточены его волнами. Я шель пѣшкомъ и поминуши оспанавливалъ, пораженный мрачною прелестю природы. Погода была пасмурна; облака пляжело шнувшись около черныхъ вершинъ. Графъ П. и Ш*, смотря на Терекъ, воспоминали Канапру и опдавали преимущество *Pѣкѣ, та Сльверъ еремицѣй*. Но я ни съ чѣмъ не могъ сравнивать мѣсто предстоявшего зрелица.

Не доходя до Ларса, я оставилъ отъ конвоя, засмотрѣвшись на огромныя скалы, между коими хлещенъ Терекъ съ яростю неизѣяснимой. Вдругъ бѣжитъ жуликъ солдатъ, крича мнѣ издали: *не останавливайтесь, В. Б., убьютъ!* Это предоспереженіе съ непривычки показалось мнѣ чрезвычайно спраннымъ. Дѣло въ томъ, что Осетинские разбойники, безопасные въ эпохѣ узкомъ мѣстѣ, спрѣляются черезъ Терекъ въ пушечеславенниковъ. Наканунѣ нашего перехода, они напали пакимъ образомъ на Генерала Бековича, проскаравшаго сквозь ихъ высѣрѣлы. На скаль видны развалины какого-то замка: онѣ обѣщены саклями мирныхъ Осетинцевъ, какъ будто гнѣздами ласпочекъ.

Въ Ларсѣ остановились мы ночевать. Тутъ нашли мы пушечеславенника Француза, который напугалъ насъ предстоящую дорогой. Отъ совѣтова памъ бросить экипажи въ Коби и ѿхапь верхомъ. Съ нимъ выпали мы въ первый разъ Кахетинскаго вина изъ вонючаго бурдюка, воспоминая пирорванія Иліады,

«И въ козіахъ мѣхахъ вино, оправду нашу!»

Здѣсь нашелъ я измаранный списокъ *Кавказской Птицѣ* и признаюсь, перечель его съ большимъ удовольствиемъ. Все это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено вѣро.

На другой день поутру отправились мы дальше. Ту́рекіе пленники разбрасывали дорогу въ мрачномъ Даріальскомъ ущельіи. Они жаловались на пищу, имъ выдаваемую. Они никакъ не могли привыкнуть къ Рускому черному хлѣбу. Это напомнило миъ слова моего пріятеля Ш., по возвращенію его изъ Парижа. «Худо, братъ, жиши въ Парижѣ: ѿсь ничего ; чернаго хлѣба не допросишься ! »

Скоро пришупляються впечатління. Єдва прошли сушки, і уже ревъ Терека и его безобразные водопады, уже упесы и пропасти не привлекали моего вниманія. Неперпніе доѣхать до Тифліса изключительно овла-дью мною. Я споль же равнодушно ѿхалъ мимо Каз-бека, какъ нѣкогда плыть мимо Чапырдага. Правда и то, чпо дождливая и шумашая погода мѣшала миъ видѣть его снѣговую груду, по выраженію Поэта, под-тирающую исбасклою.

Ждали Персидского Принца. Въ иѣкоторомъ разстояніи отъ Казбека попались памъ на вспрѣчу иѣсколько колесокъ и запрудили узкую дорогу. Покамѣстъ экипажи разѣзжались, конвойный офицеръ объявилъ памъ, что онъ провожаетъ придворнаго Персидскаго Поэпа и, по моему желанію, представилъ меня Фазиль-Хану. Я, съ помощію переводчика, началь было высокопарное вос почтое привѣтствіе; но какъ же мы спали совсѣмъ, когда Фазиль-Ханъ опиѣчаль на мою неумѣшную запѣвливость просплю, умной учтивостию порядочнаго человѣка! «Онъ надѣлся увидѣть меня въ Петербургѣ; онъ жалѣлъ, что знакомство наше будеши непродолжительно и проч.» Со спыдомъ при нужденъ я быль оправивъ важно-шупливый шонъ, и съѣхалъ на обыкновенный Европейскія фразы. Вонъ урокъ нашей Русской насмѣшивости. Впередъ не спали судить о человѣкѣ по его бараньей папахѣ (⁴) и по крашенымъ ногтямъ.

Поспѣхъ Коби находился у самой подошвы Крестовой горы, чрезъ копорую предстояль намъ переходъ. Мы спустились остановились ночевать и спали думать, какимъ бы образомъ совершить сей ужасный подвигъ: сѣсть ли, бросивъ экипажи, на козачьихъ лошадей, или послать за Осепинскими волами? На всякой случай, я написалъ опять имени всего нашего каравана офиціальную просьбу къ Г. Ч***, начальствующему въ здешней спиронѣ, и мы легли спать, въ ожиданіи подводъ.

На другой день около 12-ти часовъ услышали мы шумъ, крики, и увидѣли зрѣлище необыкновенное: 18 паръ тщущихъ, малорослыхъ воловъ, понуждаемыхъ шомою полунагихъ Осепинцевъ, насилиу шацили легкую, Винскую коляску пріятели моего О***. Это зрѣлище тщущасъ разсѣло всѣ мои сомнѣнія. Я рѣшился оппра-

вить мою пяжелую Петербургскую коляску обратно во Владикавказъ иѣхать верхомъ до Тифлиса. Графъ П. не хотѣть сѣдовати моему примѣру. Онъ предпосѣль впряженъ цѣлое спадо воловъ въ огромную свою бричку, нагруженную запасами всякаго рода, и съ торжествомъ перѣѣхать черезъ снѣговой хребетъ. Мы разспались и я побѣхъ съ Полковникомъ Ог..., осматривающимъ здѣшнія дороги.

Мы крушо подымались выше и выше. Лошади наши вязли въ рыхломъ снѣгу, подъ колпорымъ шумѣли ручьи. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на дорогу и не понималъ возможностиѣезды на колесахъ. Въ эпо время услышалъ я глухой грохотъ. «Это обвалъ», сказаъ мнѣ Г. Ог... Я оглянулся и увидѣлъ въ споронѣ труду снѣга, копорая осыпалась и медленно съѣзжала съ крушины. Мы доспигли самой вершины горы. Здѣсь поспавленъ граничный крестъ, сиарый памятникъ, обновленный Ермоловымъ. Мы начали спускаться.

Мгновенный переходъ ошъ грознаго Кавказа къ миновидной Грузіи восхипилелъ. Воздухъ Юга вдругъ начинается повѣваться на пупешеспвеника. Съ высоты Гушъ-горы опкрываются Кашаурская долина съ ея обишаемыми скалами, съ ея садами, съ ея свѣтлой Арагвой, извивающейся, какъ серебряная ленты, — и все это въ уменьшенномъ видѣ, на днѣ прехвершиной пропасши, по которой идепъ опасная дорога.

ДУШЕНЬКА

Бывали лъ вы въ странѣ чудесъ,
Гдѣ, жерпва грознаго велѣнья,
Въ глухи земнаго започенья
Живешъ магианница небесь?

Я былъ—я видѣлъ божество!...
Я пѣлъ ей пѣснь съ воспоминаніемъ,
Я осѣнилъ вѣнкомъ лавровымъ
Ея высокое чело.

Я какъ младенецъ шрепеталъ
У ногъ ея въ уничиженъ,
И омрачишъ богослуженье
Пресущной мыслью не дерзаль.

Ахъ! мыль божественней, къ спопамъ
Неспѣшъ обольщенія искусство?....
Я весь былъ гимнъ, я весь чувствую,
Я весь былъ чистый фимиамъ!

И чьо ей нашъ земный восшоргъ,
Слова любви?—пустые звуки!
Она чужда сердечной муки,
Чужда шомищельныхъ шревогъ.

(*) Такъ называюшися Персидскія шапки, бывшия недавно и у васъ въ шакомъ упощребленіи.